

УДК 140.8:2

Метаистория Даниила Андреева: между философией, искусством и мифом

В.Л. Александров, аспирант

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор

Т. Г. Румянцева

В статье анализируется концепция русского поэта и мыслителя Д.Л.Андреева. Раскрывается онтологический и гносеологический аспекты «метаистории» как основного понятия концепции. Обосновывается актуальность и продуктивность метаистории как метода прогноза и осмысления противоречивых процессов глобализации.

Ключевые слова: Д. Андреев, метаистория, метакультура, миф, глобализация.

Потрясения первой половины XX века – мировые войны, тоталитарные режимы – стали не только катастрофой для сотен миллионов людей. Они выступили интеллектуальным вызовом для мыслителей и учёных. На глазах нескольких поколений рушились фундаментальные «просветительские» установки: вера в неуклонный социальный прогресс, представление о Европе как образце политического и культурного развития (европоцентризм).

Первой крупнейшей рефлексией на тектонические изменения социальной реальности стало пророческое предчувствие Освальда Шпенглера: именно ему «удалось во многом диагностировать актуальные становления своего кризисного времени; и в этом смысле его “Закат Европы” является высочайшим, поистине недостижимым образцом понимания тогдашней эпохи...он сумел навсегда положить конец плоскому прогрессизму рационалистического толка с его сугубо прямолинейной трактовкой человеческой истории» [1, с. 33,68].

Примерно в одно время с немецким мыслителем не просто тревожно-пессимистическое, а эсхатологическое ощущение истории охватывает многих русских поэтов, писателей и философов Серебряного века: А. Белого, А. Блока, Л. Андреева, М. Волошина, В. Розанова, С. Булгакова, Н. Бердяева. Стихотворения и поэмы, рассказы и статьи, трактаты и дневники были пронизаны чувством присутствия нечеловеческих, сверхчеловеческих сил и воздействий, недоступных для восприятия и осмысления умов с позитивистской, узко рационалистической направленностью. Поэтому любые образы и сюжеты подобного рода трактовались большинством лишь как плод художественной фантазии или результат необоснованных интеллектуальных спекуляций.

Но несмотря на критическое отношение к иррационалистическому взгляду на историю, он развивался и нашёл одно из ярчайших, необычных воплощений в творчестве русского поэта и писателя середины XX века Даниила Андреева. Свидетель и участник национальных и мировых катастроф своего времени, он всю жизнь стремился в художественном и

философском слове отразить их понимание. При аресте в 1947 году было уничтожено почти всё им написанное, а 25-летний тюремный приговор обернулся не только тяжелейшим испытанием, но и уникальной творческой лабораторией. Произведения этого периода, чудом созданные, чудом сохранившиеся и опубликованные уже после смерти автора в начале 90-х годов, столь необычны по форме и содержанию, что поставили в тупик критиков и интерпретаторов. Главный трактат – «Роза мира» - насчитывает около 10 жанров и благодаря этому одними считается примером непревзойдённого по масштабу и глубине творческого синтеза, другими же отторгается как эклектическое сочетание разнородных, несовместимых идей, понятий, принципов, сюжетов, образов, стилей.

В рамках данной статьи сосредоточимся на анализе одного из важнейших понятий его концепции = «метаистории». Само понятие в русской мысли присутствовало у С. Булгакова в работе «Два града» (на которую и ссылается Д. Андреев) и у Н. Бердяева в работе «Смысл истории». Оба русских философа употребляли его скорее апофатически – как ощущение той стороны исторического процесса, которая объективно существует, но не может быть обнаружена и познана. Неслучайно тот же С. Булгаков при определении «метаистории» использует кантовское слово «ноуменальность». Д. Андреев подчёркивает, что «применение кантовской терминологии к проблемам этого порядка вряд ли поможет уяснению существа дела» [2, с. 31].

На контрасте с булгаковским Д. Андреев даёт свою трактовку понятия «метаистории», используя его в двух значениях: онтологическом и гносеологическом. Онтологически метаистория понимается как «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [2, с. 31]. В гносеологическом смысле метаистория – «учение об этих процессах инобытия» [2, с. 31].

Д. Андреев, естественно, осознавал возможные возражения относительно своей концепции: если она зиждется на личном духовном (мистическом, эзотерическом) опыте, то как вообще можно говорить об объективном, тем более общезначимом смысле такой концепции? Ровно такой упрёк адресовал, например, И. Кант своему старшему современнику, шведскому мистiku Э. Сведенборгу, усмотрев в свидетельствах того об «иных мирах», их существах и событиях лишь «спекулятивные бредовые фантазии извращённого ума...дикие бредни самого дурного из всех фантастов» [3, с. 782-783,789].

Д. Андреев, понимая всю зыбкость почвы такой концепции, пытается укрепить её трояко. С одной стороны, он апеллирует к фактору доверия явлениям духовного порядка: «без всяких гарантий опыту другого поверит тот, чей душевный строй хотя бы отчасти ему созвучен; не поверит и потребует гарантий, а если получит гарантии – всё равно их не примет тот, кому этот строй чужд» [2, с. 35]. С другой стороны, он высказывает надежду

на создание некой научно-воспитательной системы, которая будет способствовать проявлению и развитию способностей духовного восприятия, заложенных в глубине каждого человека, но в обычных условиях дающих о себе знать крайне редко. Одновременно он высказывает уверенность, что уже параллельно с его прозрениями «не только в России, но и во многих краях Земли происходит тот же процесс: та же потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала – в сознание единиц, потом сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов» [2, с. 30].

Прошло более полувека с момента написания этих строк. Достаточный срок, чтобы оценить, прав ли хотя бы в этом оказался русский поэт и мистик. Но прежде надо прояснить оба определения метаистории, данных выше.

Онтологическое определение вытекает из главной, стержневой идеи всей концепции Д. Андреева – утверждения о многослойности Вселенной и её основных астрономических объектов – галактик, звёзд, планет, спутников. Под многослойностью он понимает единство слоёв космического тела, отличающихся пространственно-временной размерностью, характером материальности каждого слоя, своеобразием процессов, там протекающих и существ, там обитающих. Нетрудно заметить, что речь идёт о попытке сохранения религиозной картины мира, но с серьёзной поправкой: совмещения этой картины с современными физико-астрономическими представлениями. Насколько удачна эта попытка, каждый судит сам, но примечательно, что многие утверждения Д. Андреева, ещё в середине XX века звучавшие нелепо и дико для науки, уже в его конце и начале следующего подаются как нечто само собой разумеющееся. Например, в учебниках по «Философии и методологии науки» можно встретить такие пассажи: «современная наука обосновывает мысль о существовании множества миров... с многообразными видами материи» [4, с. 69], «в других физических мирах, в принципе, возможно существование четырёх-, пятимерных и т.д. объектов» [4, с. 71]. Не являются ли подобные утверждения примером того плодотворного диалога науки и религии, который вопреки мнению скептиков с обеих сторон развивается с большой скоростью в эпоху «постнеклассической рациональности»?

Если же допустить – хотя бы умозрительно – наличие таких слоёв инобытия Земли, то логически можно вывести и возможность процессов, протекающих там, и их связь с процессами нашего слоя, что и утверждает Д. Андреев. Перед характеристикой содержания этих процессов он даёт и теоретическое, и автобиографическое описание метаистории как метода познания, включающего три стадии: озарение, созерцание и осмысление. Первая стадия, наиболее иррациональная, возникает и протекает спонтанно, без участия воли субъекта. Её содержанием «является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и не выразимой ни в каких словах с у т и (выделено автором – *В.А.*) больших исторических феноменов» [2, с. 31]. Психически этот акт сопряжён с огромным потрясением субъекта, на протяжении секунд или минут вмещающего невероятные объёмы

информации, превышающие все привычные рамки образной или понятийной её обработки.

Вторая стадия, более длительная по продолжительности и уже включающая отчасти свободную волю субъекта, предстаёт как метаисторическое созерцание. С точки зрения «дневного сознания» это что-то вроде смеси восприятия и воспоминания яркого сновидения. Наконец, на третьей стадии происходит метаисторическое осмысление определённых событий, сюжетов, закономерностей. К ней Д. Андреев относится наиболее критично и самокритично, т.к. именно на ней «совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, слишком субъективные истолкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка» [2, с. 32].

В то же время все три стадии для творчески одарённых людей становятся тем материалом, который служит источником для его выражения в философской, религиозной или художественной форме. Сам Д. Андреев, будучи талантливым поэтом, воплотил плоды такого метаисторического познания не только в трактате «Роза мира», но и в стихотворениях и поэмах. В неповторимой, уникальной по стилистически-жанровому сочетанию форме в них отражены и осмыслены многие события российской и мировой истории. Более того, в некоторых произведениях Д. Андреев отваживается на ряд смелых, для своего времени невероятных прогнозов, часть из которых уже сбылись. Так, в поэме «Железная мистерия», отражающей метаисторические процессы первой половины XX века и метаисторические перспективы второй, он – на пике международного влияния и могущества Советского Союза – предсказывает его скорый распад («рухнула в ничто глыба государства» [5, с. 229]), объединение Европы после развала социалистического лагеря («сплав сорока стран» [5, с. 261]), хаос и рыночные преобразования 90-х годов («Частушечник с балалайкой на площади: Маркса грыз да Сталина, / Бац – кругом развалина./ Коль не каплет из носу,/ Приучайся к бизнесу» [5, с. 264]).

Что же собой представляет метаистория в содержательном плане и почему, согласно Д. Андрееву, эти процессы так важно «прозревать» и понимать? С точки зрения мыслителя, склонного к дуализму в духе зороастрийской религии, в общепланетарном ракурсе Земля выступает ареной многомиллиарднолетней борьбы провиденциальных и демонических сил. Замысел первых – создание разноматериальных слоёв для жизни и творчества, духовного становления и совершенствования сотворённых Богом монад (растений, животных, людей, ангелов, даймонов и многих других). Замысел вторых – порабощение существ для увеличения страдания. Законы живой природы, даже такие казалось бы «вечные», как закон смерти, закон борьбы за существование, по Д. Андрееву, есть лишь временная равнодействующая борющихся сил. То же касается нравственно-трансфизического закона возмездия (кармы). Светлые силы стремятся их облегчить или отменить («смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?» -

воскликнул апостол Павел в первом послании Коринфянам). Тёмные силы стремятся их утяжелить, усугубить.

Применительно к человечеству крупнейшими субъектами и объектами метаистории являются метакультуры. Под метакультурой понимается совокупность слоёв, связанных со становлением конкретного сверхнарода и самих его представителей. Всего Д. Андреев выделяет 34 метакультуры человечества и с той или иной степенью подробности их описывает. Каждая метакультура – неповторимое образование, призванное к выполнению только ей порученной миссии. Выполнение миссии заключается в творении тех или иных ценностей (моральных, религиозных, художественных, интеллектуальных, материальных), необходимых для достижения всеми состояния богочеловечества. Впрочем, в силу сопротивления внутренних или внешних демонических сил эта миссия может быть оборвана, может остаться трагически незавершённой. Из 34 Д. Андреев перечисляет 15 таких метакультур. Но даже и успешно завершившие творчество в нашем слое метакультуры со временем из него исчезают (Древние Греция, Египет, Вавилон и др.), продолжая своё становление и развитие в высших для данной метакультуры слоях Земли. Если же национально-государственное или цивилизационное отображение метакультуры ещё длит своё существование в нашем слое, то оно остаётся ареной для воплощения и творческой деятельности монад людей, к данной метакультуре принадлежащих. Столь необычную картину нашей исторической реальности в её связи с «иными мирами» Д. Андреев максимально подробно рассматривает на примере метаисторического анализа и поэтического описания российской метакультуры, что логично.

Если рассматривать метаисторию как мистерию (а это следует в том числе из названия главной его поэмы), то в ней можно выделить мистериальное пространство, время, действующих лиц и драматический сюжет, причём каждый из структурных элементов мистерии оказывается многомерным. Пространство метаистории всего человечества охватывает десятки слоёв Земли, пространство метаистории каждой метакультуры – несколько, среди которых выделяются два полюса – средоточия светлых и тёмных сил каждой метакультуры. Временные потоки тоже охватывают разные отрезки метаистории, как бы вложенные в друг друга: эоны (крупнейшие мировые периоды), время существования метакультуры, народа, государства, церкви, конкретного человека, процесса, события.

Список действующих лиц поражает любое воображение. Их можно поделить по разным основаниям, например, на людей и всех остальных, причём под людьми подразумеваются и те, чьё последнее воплощение в нашем слое уже завершилось и чьё творчество или борьба продолжается и поныне. При всей фантастичности эта картина вполне логична для последовательно религиозного сознания, поэтому Д. Андреев, как и его предшественник Данте, уделяет большую роль в своей картине описанию посмертной судьбы сотен людей. Но если для великого флорентийца эта судьба характеризуется исключительно пассивной ролью – наслаждением и

отдыхом в кругах рая или муками в кругах ада, то русский мистик предлагает гораздо более сложную и динамичную картину. Он подчёркивает активную сторону посмертной деятельности: это прежде всего творчество для носителей соответствующих даров (гениев, талантов и вестников), борьба для героев и «родомыслов» (провиденциальных правителей), спасение и помощь для достигших нравственных вершин (святых, праведников). Впрочем, по Д. Андрееву, небесные страны метакультур ни в коем случае нельзя представлять как средоточие одних только известных личностей. О большинстве их обитателей не расскажет никакая история: «это незаметные герои нашей жизни; думать иначе, то есть вообразить синклит метакультуры в виде некоего собрания “знаменитостей”, значило бы доказать, что наш нравственно-мистический разум спит ещё крепким сном» [2, с. 59].

Но кроме людей на арене метакультуры действует ещё множество других существ, главным критерием разделения которых выступает всё та же принадлежность к «светлому» или «тёмному» стану. Верховной провиденциальной инстанцией сверхнарода и метакультуры выступает по Д. Андрееву своеобразная диада: Демиург (дух-народоводитель) и Соборная Душа. Не случайна их мужская и женская природа, но не физического, а трансфизического, иноматериального плана. Здесь мистик оказывается перед тяжёлой дилеммой. С одной стороны, он подчёркивает, что «всякое применение к иерархиям привычных для нас антропоморфных понятий возраста, брачных отношений и т.п. может быть сделано лишь с целью приблизить путём единственно возможных, хотя и далёких аналогий, нашу мысль к пониманию явлений, в буквальном смысле не имеющих почти ничего общего с явлениями, привычными для нас» [2, с. 110]. С другой, все его работы пронизаны этой метафорикой пола, брака, венчания, деторождения, переносимой с видимой на невидимую реальность. В частности, ключевым событием российской и всемирной метаистории Д. Андреев видит «брак» Демиурга и Соборной Души России и рождение ими (воплощение через них) некоей верховной Женственной сущности, которая, как он считает, была предвосхищена философами и поэтами Серебряного века в образе Софии (а у него именуется Звентой-Свентаной).

По сути мистик выступает как продолжатель и интерпретатор линии В. Соловьёва, А. Блока, С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Карсавина и других софиологов. Звента-Свентана (София) – высшая женственная сущность Земли, она же – Невеста Агнца (Христа), описанная в Апокалипсисе. При этом Д. Андреев неоднократно подчёркивает кощунственность и недопустимость любых сексуальных интерпретаций подобных образов и сюжетов. Их мистический брак в эсхатологические времена якобы должен совершить переход Земли из первого эона (мирового периода) во второй (образ «нового неба и новой земли» в том же откровении Иоанна Богослова). Но чтобы прежде состоялся брак российских народоводительствующих сил, Соборная Душа России должна быть освобождена из плена великодержавной государственности, из слоя российского античеловечества - цитадели демонических сил её метакультуры. В плену же она оказалась

после того, как Демиург России в целях защиты народа от татаро-монгольского ига был вынужден породить первого в роду демона российского великодержавия, тем самым предопределив трагическую судьбу метакультуры на века.

Эту сказочно-мифологическую формулу Д. Андреев накладывает на описание всей российской истории: так, диалектически им очерчиваются синусоиды возвышения и падения московского царства, петербургской империи, Советского Союза. В частности, проведение параллелей между тираниями Ивана Грозного, Николая I и Сталина как зенитами могущества трёх поколений демонов российского великодержавия и последовавшими цепочками исторических событий (реформы, реакция, смута или революция, распад государства) позволило мыслителю с большой точностью предсказать события второй половины XX века, включая распад СССР.

Точность этих сбывшихся прогнозов позволяет в ином ракурсе поставить вопрос о возможной верификации подобной мифологической картины исторической реальности. Как считают некоторые исследователи творчества Д. Андреева, не обязательно буквально принимать его онтологию, чтобы признать её гносеологическую ценность и продуктивность. Один из вариантов толкования этой авторской мифологии может исходить, например, из юнговской модели архетипов – образов коллективного бессознательного, которые благодаря интуиции и художественному мастерству конкретного творца могли принять именно такое, а не иное выражение. Отношение к такой мифологии может определяться в первую очередь степенью её предсказательного потенциала, а не количеством субъектов со схожей картиной мира.

С этой точки зрения прозорливость Д. Андреева особенно показательна в свете актуальных социально-политических событий и процессов. Одним из первых предсказав глобализацию как неизбежную тенденцию мирового развития (ещё до появления этого термина), он указал на альтернативные пути, развилки, своеобразные точки бифуркации, которые поджидают человечество на этом пути.

Во-первых, крайне важно, будет ли идти речь о глобализации на фундаменте взаимодействия государств как укоренившихся в новейшей истории главных социально-политических институтов или о глобализации с принципиальной трансформацией сущности государства, с возможностью этического контроля над ним со стороны гражданского общества. Выбор первого пути – интеграционные процессы на государственной основе – будет объективно вести к гегемонии одного, самого мощного государства (и стоящего за ним демона), с последующей апокалиптической перспективой образования всемирного государства как ядра абсолютной единоличной тирании, как дьяволичества с антихристом во главе. Но есть и ещё более грозные прогнозы, например, о третьей мировой войне, причём не между Советским Союзом и Западом, а именно между постсоветской Россией и Западом. Удивительно читать в сегодняшней международной обстановке подобные строки, написанные в 50-е годы прошлого столетия.

В то же время Д. Андреев обрисовывает и светлый прогноз, хотя и оговаривается, что шансов на него немного: это глобализация по модели всеединства, содружества и сотворчества равноправных народов; интеграция политическая, экономическая, научная при многообразии культур, верований, образов жизни. Зачатки подобного всеединства Д. Андреев видел в послевоенной Японии, Швейцарии, Скандинавии. Эта утопическая часть его концепции чаще других подвергается критике, как и другие утопии, особенно после кошмаров их воплощения в XX веке. Но кто знает, может быть, именно подойдя к краю бездны рукотворного ядерного апокалипсиса, человечество, заглянув в неё и в ужасе отшатнувшись, сможет инстинктивно двинуться в противоположную сторону – ту, о которой мечтали В. Вернадский и Т. де Шарден, В. Соловьёв и А. Швейцер, Махатма Ганди Даниил Андреев. Во всяком случае концепция последнего, со всей подробностью и резкостью раскрывающая основные альтернативы хода истории, ещё раз напоминает и о важности выбора стратегического вектора развития цивилизации, и о необходимости делать выбор, и об ответственности за него – всех и каждого.

Список цитированных источников

1. *Румянцева, Т. Г.* Освальд Шпенглер / Т. Г. Румянцева. – Мн., 2008.
2. *Андреев, Д. Л.* Роза мира / Д.Л. Андреев. – М., 1991.
3. *Кант, И.* Грёзы духовидца, пояснённые грёзами метафизики / И. Кант // *Метафизические начала естествознания.* – М., 1999.
4. *Яскевич, Я.С.* Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я.С. Яскевич. – Мн., 2007.
5. *Андреев, Д.Л.* Железная мистерия: Поэма / Д.Л. Андреев. – М., 1990.